

ФОМА

П Р А В О С Л А В Н Ы Й Ж У Р Н А Л

“И не будь неверующим...” (Иисус Христос – Апостолу Фоме. Ин.20:27)

Религия и наука

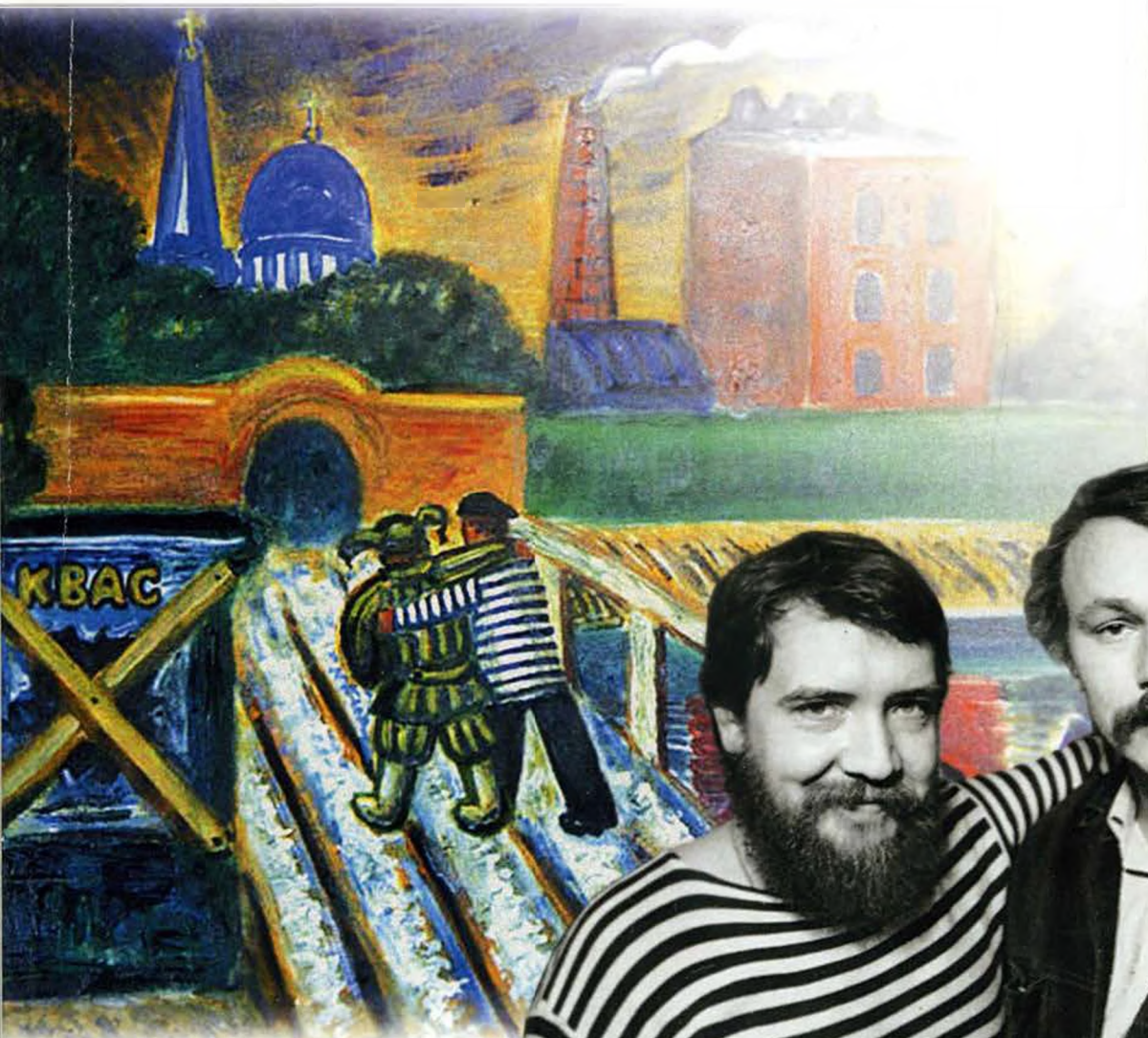
Диакон Андрей Кураев

ВОЙНА МИРОВ

ФАНАТИКИ

Тема номера

как источник жизни

МИТЬКИ

никого не хотят
победить

2005

№ 8

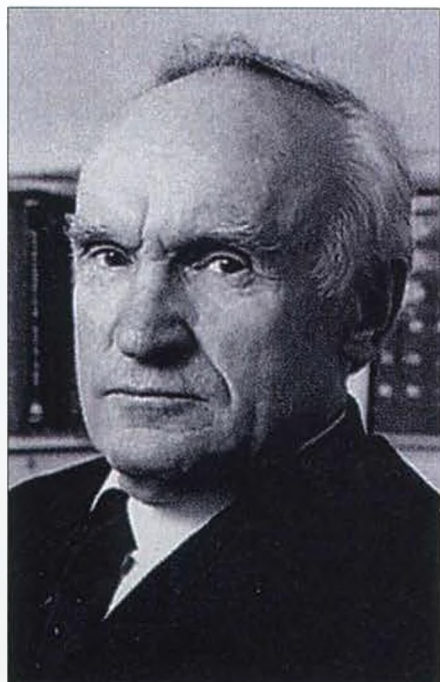
Алексей ОСИПОВ

Спасение негодяев

Зачем и от чего нам спасаться?

– Алексей Ильич, в одной из своих статей Вы называете христианство “антирелигиозной религией”. С чем связано такое неожиданное определение?

– Начну с обращения к несколько необычному авторитету. Фридрих Энгельс, тщательно изучавший историю христианства, пришел к выводу, что христианство, возникнув на мировой арене, “вступило в резкое противоречие со всеми существовавшими до тех пор религиями”. Он прямо называет христианство “крупным революционным движением”.

■ **Алексей Ильич ОСИПОВ** родился 31 марта 1938 года. Окончил Московскую духовную семинарию и Московскую духовную Академию. С 1965 года – преподаватель основного богословия в Московской духовной Академии. В 1985 году ему присвоена ученая степень доктора богословия.

Энгельс в данном случае был вполне прав. Но он даже не предполагал, какую услугу оказал этим своим заявлением христианской апологетике.

О чем идет речь?

Основная идея антихристианской пропаганды заключается в том, что христианство является естественным продуктом взаимодействия предшествовавших и современных христианству различных религиозных верований и философских идей. Однако исследование христианской веры и ее истории показало даже тому же Энгельсу, что новая религия возникла, во-первых, “революционно”, то есть неожиданно, а не постепенно слагаясь из различных иудейских и языческих верований; во-вторых, она вместо мирного сосуществования со всеми “подобными” себе религиями, напротив, вступило с ними в непримиримую полемику по всем основным религиозным и философским вопросам.

Прежде всего, христианство отвергло важнейшее иудейско-языческое убеждение в том, что спасителем человечества может и должен быть только всемирный царь, обладающий неограниченной властью, могуществом, славой. Оно заявило нечто беспрецедентное: “Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие” (1 Кор. 1:23). Это было, и есть, и всегда будет самым “анти-

Фото Александра Шурлакова

религиозным” утверждением христианства.

И все другие специфически христианские (не общерелигиозные) истины оказываются не только принципиально иными, но и столь же противостоящими аналогичным верованиям всех религий эпохи возникновения христианства. Речь идет, например, о понимании Бога, Его Триипостасности, о Боговоплощении, о благодати, о святости, об условиях спасения и так далее.

Давайте в качестве примера рассмотрим христианское учение о том, что основное требуется от человека для спасения. И вот здесь мы сразу столкнемся с поразительным, прямо-таки антирелигиозным фактом. Первым в рай входит не безупречный исполнитель закона →

Божия, святой, по иудейским понятиям, а разбойник. Нам неизвестно, что уж такого он сделал, что был приговорен к распятию. Но сам он признал: “И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли”...

– **Речь идет о разбойнике, который был распят справа от Христа?**

– Да. Он исповедовал свою вину, осознал, что действительно заслуживает этой страшной казни. И что же он слышит в ответ от Того, Кто для христиан является Богом и Спасителем? “Сегодня же будешь со Мною в раю”!

Разбойник – в раю? Да это же ни в какие религиозные рамки не вменяется!

Мы видим почти то же самое, когда Христос идет среди толпы и встречает мытаря Закхея. (Кто такие мытари? Это настоящие мошенники, которые обманывали людей, брали с них намного большие налоги.) И здесь мы опять сталкиваемся с удивительным фактом. Христос говорит: “Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме”. Закхей устраивает прием, на котором кого только нет – и мытари, и грешники. Но что происходит с Закхеем? Он говорит: “Господи! половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо”. Христос ему отвечает: “Ныне пришло спасение этому дому”. Опять спасение – кому? Общеизвестному мошеннику!

– **Получается, христианство спасает негодяев?**

– Вот-вот, я как раз о том и говорю. Христианство предлагает “ужасные”, совершенно “антирелигиозные” вещи!

– **Но ведь эти люди спаслись не из-за того, что они негодяи?**

– Давайте попробуем разобраться. Во всей дохристианской истории – в язычестве, в ветхозаветной религии – Божество было всемогущим самовластным существом, которое поступало с человеком, как ему было угодно. В одних случаях оно могло быть милостивым, в других – жестоким, мстительным. Откройте, например, Ветхий Завет, посмотрите: Бог награждает, дает долголетие, богатство или, напротив, гневается, наказывает, сжигает города нечестивых и так далее. При этом всё подобное воспринимается религиозным сознанием в прямом смысле.

Христианство же утверждает совершенно иное, нечто неприемлемое для инорелигиозного сознания. Бог, как говорит Евангелие, “повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных”. А один из авторитетнейших христианских святых Иоанн Златоуст пишет: *«Когда ты слышишь слова: “ярость и гнев” в отношении к Богу, то не разумей под ними ничего человеческого: это слова снисхождения. Божество чуждо всего подобного; говорится же так для того, чтобы приблизить предмет к разумению людей более грубых»*. Бог, по христианскому учению, есть абсолютная Любовь, и только Любовь. Бог не награждает человека за добродетели и не мстит ему за беззакония. Как благоденствие, так и скорби являются естественными следствиями законной или беззаконной жизни самого человека и целых народов. Под законом при этом подразумеваются не какие-то внешние предписания Бога по отношению к человеку, но сама богоподобная природа человека. Как Бог есть Дух, так и духовное состояние человека обуславливает все стороны его бытия.

– **Что же является важнейшим в этом состоянии?**

– То же, что и в Боге. Но в христианском учении о Боге вновь встреча-

шенным смирением.

Такого вызова всерелигиозному сознанию, конечно, никогда не было. Нигде нет учения о смирении Бога. Но именно здесь-то и лежит ключ к ответу на Ваш вопрос. Если спасение есть единение человеческого духа с Духом Божиим, то в христианстве это искомое единство оказывается возможным только при наличии у человека смирения. Что такое христианское смирение (в отличие, например, от тоталитарно-сектантского) – это отдельная и серьезная тема. Но здесь важно сказать, что, по единогласному учению всех святых Отцов Православной Церкви, без смирения невозможно единение с Духом Божиим, ибо невозможна истинная любовь, которая, говоря по-человечески, и составляет сущность Бога. Так вот, действительное смирение разбойника (на кресте не полицеме-ришь), искреннее раскаяние Закхея, грешницы, омывшей ноги Христа своими слезами – это и только это является условием спасения любого человека, в том числе и того, кого называют негодяем!

И, напротив, те, кто, внешне исполняя отдельные заповеди и церковные установления (крестились, причащаются, постятся...), начинают видеть себя выше, святее других, отпадают от Бога, не получают спасения.

– **Получается, чтобы соединиться с Духом Божиим, необя-**

■ *О чем мечтают гуманисты всех времен? Путем революций, реформ, иных социальных преобразований создадим рай на земле! И что же? XX век залил мир кровью в таком изобилии, какого вся история человечества не знала, но так ничему и не научил человека.*

емся с тем, что решительно противоречит всем дохристианским представлениям. Евангелие говорит, что “Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного”, Который “смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной”.

Я посмотрел “Страсти Христовы” Гибсона. Спасибо ему! Фильм помогает увидеть современным христианам то, что не видели и не могли видеть христиане в течение всех 2000 лет: какие невыразимые страдания перенес Христос добровольно ради нашего спасения! Какое же нужно было иметь смирение и любовь, чтобы, находясь в жутких страданиях, с креста сказать: “Отче, прости им, ибо не знают, что делают”. Бог, оказывается, есть не только любовь, но любовь, которая сопряжена с таким же совер-

зательно быть праведником. Тогда зачем соблюдать заповеди Христа, зачем молиться, если можно вести грешную жизнь, а потом в конце просто раскаться? Зачем нужны традиции, обычаи, таинства?

– Спасаются не праведники и не грешники, а увидевшие свое недостойнство перед лицом всесвятого Бога и приносящие искреннее покаяние. Все заповеди и, тем более, церковные установления, таинства и традиции имеют значение лишь постольку, поскольку помогают человеку увидеть свою неспособность без помощи Божией стать вполне чистым, богоподобным человеком. Они являются лишь вспомогательными средствами к познанию этой своей неспособности. И если →

приводят верующего к этому, то полезны. Если же вводят в самомнение и гордыню, то становятся средством его гибели. Помните, как Христос в Евангелии назвал подобных "праведников": "Змии, порождения ехиднины! Гробы, окрашенные снаружи!" А в народе о таких говорят: святой сатана.

Я говорил о разбойнике, распятом справа от Христа. А ведь слева был распят и другой разбойник, о котором ничего положительного не сказано. Он так и не раскаялся, хотя был таким же разбойником. Спасение, оказывается – в искреннем раскаянии человека. Христианство говорит, что человек, который искренне кается, оказывается выше того, кто исполняет все предписания.

– Алексей Ильич, я хотел бы уточнить. Человек может хотеть быть лучше, но не сейчас, а потом. Например, я молодой человек, я хочу быть лучше, но лет через двадцать...

– Ну, я думаю, каждый поймет, какова цена такого хотения. Когда человек увидит, что он весь в грязи, или в нарывах, то едва ли захочет быть лучше лет через двадцать. Наверное, постарается поскорее стать почище. Христианин тем и отличается от язычника, что он, имея в Евангелии, так сказать, эталон человечности, видит грязь своей души и стремится от нее очиститься. Язычнику это гораздо сложнее. Но когда христианин говорит, что постарается быть получше лет через двадцать, то тем самым он просто обнаруживает свое действительное язычество при всей христианской форме. В Новом Завете есть такие слова: "Муж с двоящимися мыслями неустроен во всех делах своих". И жизнь показывает, что тот, кто лукаво думает: "Вот сейчас я поживу в свое удовольствие, а потом расскажусь", – ни счастья не достигает, ни покаяния не успевает принести. Верны слова: "С милостивым Ты (Господи) поступаешь милостиво, с мужем искренним – искренно, с чистым – чисто, а с лукавым – по лукавству его". "Душа лукавая погубит своего обладателя".

– Есть ли в Православии какая-нибудь норма, выполнив которую, человек мог успокоиться и считать себя спасенным?

– Об этом сейчас и шла речь. Спасение определяется не количеством дел, а состоянием души. У Исаака Сирина есть такие замечательные

слова: "Пока не смирится человек, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, но за смирение". Почему так? Потому, что Бог есть смирение и любовь, любовь и смирение. И все заповеди Его должны привести человека к подобному же состоянию. Если же их исполнение порождает самомнение, тогда все они не только обесмысливаются, но и становятся вредными для человека, орудиями его гибели. И таких случаев множество.

Кстати, кто чаще всего впадает в состояние глубокой прелести, то есть лжедуховности? Те подвижники, которые думали, что своими подвигами могут угодить Богу. Из жития Антония Великого мы знаем, что ему явился сатана и говорил: "Антоний, ты мало ешь, а я совсем не ем. Ты мало спишь, а я совсем не сплю. Не этим ты победил меня, а смирением". Сказано совершенно верно. Но видите, как лукавый и здесь лукавит? Сатана надеялся, что Антоний возгордится своим смирением, и тогда все его подвиги погибнут.

– В одной из евангельских притч говорится, что в одном винограднике были работники, которые работали там целый день, потом к ним присоединились люди, которые работали там в течение половины дня. И, наконец, последняя смена проработала там всего один час. А награду все получили одну и ту же. Понятно, что под виноградником имеется в виду работа ради Господа Бога и под наградой понимается Царствие Небесное. Но ведь это несправедливо!

– Да, несправедливо, если бы это была не притча, а факт обычной жизни. Притча же с помощью этого образа раскрывает одно из серьезнейших положений духовной жизни человека. Помните, как возмутились те, которые работали с утра? Христос и указывает этой притчей на глубокую ошибку, вошедшую в сознание иудеев, что будто бы человек получает награду от "Хозяина виноградника" – Бога – за количество добрых дел, безотносительно к тому, с каким душевным настроем они совершаются. Оказывается, иначе. Основным является как раз тот духовный "ключ", в котором подвизается человек. Тот же святой Исаак Сирий писал об этом совершенно определенно: "Воздаяние бывает не добродетели и не труда ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно оскудеет, то первые (добродетель и труд ради

нее) будут напрасны". "Без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание". Вот непререкаемый критерий истинной христианской жизни! Он скрыт от людей, но виден Богу.

Важно при этом помнить мысль Отцов: истинное смирение не видит себя смиренным! Более того, как говорили египетские святые пустынники, та добродетель, которая становится очевидной для всех, теряет свою цену. Возвращаясь к притче, напомним, например, предсказание древних подвижников о монашестве последних времен. Они говорили, что последние монашествующие "не будут уже иметь тех подвигов, которые имели мы, они будут спасаться смиренным терпением скорбей". Смирением – то есть с осознанием того, что они "рабы, ничего не стоящие" и достойное по делам своим получают. Благодаря этому смирению эти, последние, получают ту же "плату" от Хозяина, что и первые великие подвижники.

– Если христианство – терапия, а Христос – величайший Врач, значит ли это, что христианство – удел больных душою, и здоровым оно не нужно?

– В том-то и дело, что, по христианскому вероучению, в первом грехопадении сама природа человека глубоко повредилась. Она, как пишет св. Максим Исповедник, стала смертной, тленной, страстной. Поэтому больны все люди, но не все хотят это видеть. И в этом заключается главная беда человека. Ибо, когда больной не хочет признавать, что он болен, тогда лечение невозможно – и понятно, какие следствия из этого могут проистекать. Именно эту роковую ошибку и допускает нехристианское сознание. Во всех людях живут страсти. А страсть – страшная разрушительная стихия. Не подчиненная разуму, а подчинившая его себе, она всю историю человечества приносит тяжелейшие бедствия.

Римский император Калигула страдал от того, что у всего римского народа не одна голова, которую он мог бы снести одним ударом. Теперь научно-технический прогресс открывает безграничные возможности для осуществления этой "великой" цели. Не по гордыне ли и злой воле нового Калигулы "земля и все дела на ней сгорят", как пророчествовал о конце мира апостол Петр? Христианство говорит, что без духовно-нравственного изменения →

Евгений Сергеевич БОТКИН

Родился 27 мая по старому стилю (11 июня по новому стилю) 1865 года в Царском Селе, в семье лейб-медика Российских императоров Александра II и Александра III Сергея Петровича Боткина, основателя бесплатной московской больницы для бедных, которая позже, в советское время, была названа Боткинской. С отличием окончил Военно-Медицинскую Академию. Добровольцем прошел всю русско-японскую войну. В 1908 году назначен лейб-медиком императорской семьи. Находился с марта 1917 года под стражей вместе с царской семьей. Отпущен в связи с болезнью невестки. 1 августа 1917 года добровольно сопровождал царскую семью в Тобольск, затем – в Екатеринбург, оставив в Тобольске собственных детей. В Екатеринбурге через Боткина шли все переговоры с тюремщиками из охраны и исполкомом Уралоблсовета. В ночь на 17 июля 1918 года он был расстрелян с царской семьей в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. По свидетельству коменданта Дома особого назначения Я. Юровского, Боткин умер не сразу. Его пришлось пристреливать.

9 июля 1918 года, за неделю до расстрела, Е.С. Боткин начал писать письмо:

«Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, – по крайней мере отсюда, – хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь еще писать, – мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я уже умер, умер для своих детей, для друзей, для дела...

Когда мы еще не были выпуском, а только курсом, но уже дружным, исповедовавшим те принципы, с которыми мы вступили в жизнь, мы большей частью не рассматривали их с религиозной точки зрения, да и не знаю, много ли среди нас и было религиозных. Но всякий кодекс принципов есть уже религия, и наш <...> так близко подходил к христианству, что полное обращение наше к нему, или хоть многих из нас, было совсем

естественным переходом. Вообще, если "вера без дел мертва", то дела без веры могут существовать, и если кому из нас к делам присоединялась и вера, то это уже по особой к нему милости Божьей. Одним из таких счастливых, путем тяжелого испытания, – потери моего первенца, полугодовалого сыночка Сережи, – оказался я. С тех пор мой кодекс значительно расширился и определился, и в каждом деле я заботился не только "о курсовом", но и "о Господнем". Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не колебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца <...>»

Письмо оборвано на полуслове, Евгений Сергеевич не дописал его.

В 1981 году он прославлен Русской Православной Церковью за рубежом (РПЦЗ) в лике новомучеников. ■

Сведения о Евгении Сергеевиче Боткине взяты из базы данных "Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века" Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (www.pstbi.ru).

самого человека невозможно достичь блага на земле.

О чем мечтают гуманисты всех времен? Путем революций, реформ, иных социальных преобразований создадим рай на земле! И что же? XX век залил мир кровью в таком изобилии, какого вся история человечества не знала, но так ничему и не научил человека.

Потому первая задача христианской аскетике – помочь человеку увидеть свои духовные и нравственные болезни. Ибо только в этом случае он сможет заняться собой. А как их можно увидеть? Преподобный Симеон Новый Богослов дает исчерпывающий ответ: *“Тщательное исполнение заповедей Христовых открывает человеку его духовные болезни”*. Действительно, сравнение своих поступков, мыслей, желаний с заповедями Евангелия ясно открывает человеку его духовное состояние. Оказывается, я не могу не осуждать, не могу не завидовать, не тщеславиться... не буду продолжать дальше, поскольку придется дойти до таких вещей, о которых и говорить неприлично. Вот тут я и увижу, кто я есть на самом деле, и с грустью и иронией скажу: *“Да... человек – это звучит гордо...”* Лучшего повода для иронии не придумаешь!

– Но от чего мы должны спасаться? И зачем вообще человеку нужно, чтобы кто-то его спасал?

– Однажды подходит ко мне студент с кислой миной на лице. Спрашиваю его: *“Что с тобой?”* Он отвечает: *“Зуб болит”*. Я говорю: *“Чудак-человек, болит-то зуб, а не ты! Ну и пусть болит!”* *“Вам бы только шутить, Алексей Ильич!”*

Я это к тому говорю, что грехи – не какая-то абстракция. Каждый грех является раной, наносимой человеком самому себе, потому он и приносит нам боль. Если я наступлю голый пяткой на острый гвоздь, то, пожалуй, не скажу: *“Ха-ха, как щекотно и смешно. А ну-ка еще раз и посильнее!”* Ничего подобного! Думаю, что многие замечали: когда кого-то злобно осудишь или обманешь, – как скверно потом бывает на душе? Совесть мучает. Страсть на славянском языке означает, в частности, страдание (отсюда, например, *“Страсти Христовы”*). Любая страсть всегда и является источником страданий. Мы знаем, как страдает тщеславный, когда его не хвалят, более того, ругают. Какие муки переносит завистливый, когда у его лучшего друга успех. Помните у Данте: *“Так завистью кипела*

кровь моя, что если было хорошо другому, ты видел бы как зеленею я”. Так вот, спастись нужно от порабощения страстям.

Но нужду в спасении человек начинает чувствовать, когда увидит безобразие своей души и захочет стать хоть немного чище, чем есть. Здесь-то он и поймет, каковы его *“успехи”* в самоизлечении от мучающих его страстей, поймет и необходимость Божественной помощи.

Приведу пример. Представьте себе, что вдруг мой прекрасный нос оказался пораженным кожной болезнью, которая может быть излечена единственным средством – солнечными лучами. Теперь от меня зависит, подставить свой нос солнцу или нет. Такова двуединая терапевтическая деятельность. Эта совместная работа человека и солнца – образ спасения человека. В богословии такое двуединство Бога и человека в деле спасения называется синергией. Бог является исцеляющим *“Солнцем”*, но от человека требуется произволение, понуждение, труд борьбы со своими страстями. Сама по себе эта борьба не исцеляет, но именно она открывает двери души действию Солнца-Бога.

– Многие говорят сегодня: “Я в Бога, конечно, верю, но в церковь не хожу”. Как бы Вы отреагировали на такую позицию?

– Это равносильно тому, что сказать: *“Врачу я верю, но идти к нему в больницу не собираюсь”*. Многие не понимают, что за словом *“Бог”* могут стоять многие и разные до противоположности образы, а, следовательно, и принципы жизни. Мы уже говорили, что, по вере одних, Бог может и миловать, и ненавидеть, и прощать, и мстить, губить и т. д. Соответственна этому и нравственность: любви ближнего твоего и ненависть врага твоего. Для христиан же Бог есть Любовь, потому и заповедь: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. В храме верующий, в конечном счете, получает знание о Боге, о вере, о том, что необходимо для правильной христианской жизни, что такое святость и праведность (а что не является таковыми). Наконец, церковь – это место, где можно отойти от повседневной суеты и помолиться, покаяться – дома редко кто имеет такую возможность. Сама атмосфера храма многое дает душе человека.

– Сейчас люди, исповедующие разные религии, уже не разделе-

ны океанами и континентами. Они нередко живут в одном городе, в одной стране и сидят в одной учебной аудитории. Как относиться христианину к людям, которые исповедуют другие религии? Каково должно быть его, на самом деле христианское, отношение?

– Заповедь любить даже врагов дает полный ответ и на этот вопрос. Но христианская любовь имеет несколько ступеней. На нашем, самом элементарном уровне, христианская любовь состоит в том, чтобы не делать другому того, чего не хочешь себе. Христос подтвердил это золотое правило морали: как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.

Следующей ступенью любви является: возлюби ближнего твоего, как самого себя. К сожалению, наша любовь, особенно к себе, очень эгоистична. Поэтому, не научившись правильно любить себя, трудно правильно возлюбить и другого. Но к этому подвигает верующего Господь Иисус Христос.

Высшей ступенью является жертвенная любовь, о которой замечательно пишет святой Исаак Сирин: *“Что такое сердце милующее? – Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари... А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и были помилованы... Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворятся сим, как Моисей... и как... Павел... И прочие апостолы за любовь к жизни людей прияли смерть во всяких ее видах... И домогаются святые сего признака – уподобиться Богу совершенством любви к ближнему”*.

Для христианина на любом уровне любви не должно существовать различий в отношении к людям. Должно понуждать себя к любви – не к чувству (это высокая ступень и она лишь в свое время дается Богом) – но хотя бы к сострадательности, к поступкам любви. Поэтому от христианина требуется оказать помощь нуждающемуся, страдающему, находящемуся в беде независимо от того, какой веры перед ним человек, какого мировоззрения, какой национальности, партийной принадлежности и так далее. ■

Беседовал Владимир ЛЕГОЙДА